

Я.Б.Файнберг – вид издалека

Первое, что я вижу каждое утро, открывая глаза, это книжные полки, которые были куплены на мою первую «большую» зарплату у ЯБ. ЯБ когда-то заказывал их у известного краснодеревщика. Полки отливали багряным цветом. Впоследствии, живший у нас племянник старательно соскоблил весь багрянец и покрыл полки светлым лаком под цвет нашей остальной более стандартной мебели. Но воспоминание осталось. Так что каждое утро я невольно вспоминаю Я.Б. Файнберга уже более полувека. Сам ЯБ (как и многие его коллеги в ту пору) расстался с любимыми полками, т.к. «достал» где-то застекленные чешские полки, бывшие тогда большим дефицитом.

С ЯБ и Евгенией Владимировной нас связывало долгое знакомство в основном, благодаря дружбе с Мусиком и Эллочкой Кагановыми. Там-то мы и встречались с Файнбергами. Там же бывал и Илья Михайлович Лифшиц. Вообще, у Кагановых было много друзей, и жили они радостно, открытым домом. (Так же, по слухам, живут и сейчас в далеком Бостоне, куда переехали вслед за детьми). Там мы подружились с моими бывшими преподавателями по физмату Григорием Яковлевичем Любарским и Тамарой Михайловной Карасевой. В эту дружную компанию входили Витя и Галя Цукерники, временами – яростный книголюб Яков Михайлович Гордон и его жена переводчица Женя Молдовер, Илья Моисеевич Любарский со своей женой Асей, Борис Яковлевич Левин – один из лидеров харьковской математической школы – и его жена, непрестанно курившая Лия Яковлевна. (После переезда Кагановых в Москву мы часто собирались у Гордонов). Состав гостей тасовался. Но все это были интересные, остроумные люди. Совершенно замечательная среда харьковской русско-еврейской интеллигенции. Думаю, мы были вхожи в этот круг благодаря обаянию моей жены, и, конечно, нашей молодости. Кроме прочего, переехав на Украину из хоперских степей, Ниночка, как все ее называли, внесла с собой необычность чистого русского языка, не испытавшего украинского влияния. Витя Цукерник, обладавший абсолютной музыкальной памятью, пел тогда еще мало известного Окуджаву. Компания аристократически ездил отдыхать в Прибалтику¹. Мы же демократически отправлялись в походы в большой, тоже поющей и тоже остроумной туристской компании (достаточно упомянуть Володю Рублинецкого, по прозвищу «умный Вовочка», и Реночку Муху, которая, кстати, его так и назвала). Эта наша компания состояла из вы-

---

¹ Любарские из Прибалтики отправили багажом купленную для нас кровать. Получив багаж и обнаружив отсутствие ножек к драгоценной кровати, мы в панике послали телеграмму о пропаже. И тут же получили ответ, принадлежавший Я.М.Гордону: «Не теряйте голову – ножки найдутся». В свою очередь, поздравляя Г.Я. Любарского с юбилеем, мы посылали стихи, содержащие понятные близким намеки и заканчивающиеся словами: «И пусть Вам дышится легко, как зайцу на просторе».

пускников физмата и иняза. Здесь одним из центров притяжения был Марк Азбель, впрочем, к туризму отношения почти не имевший.

ЯБ бывал у Кагановых не столь уж часто. И он больше слушал, чем говорил. Мне казалось, что в то время, ближе остальных связанных с закрытой тематикой ЯБ как бы ограничивал себя в разговорах. Для нас он прежде всего был автором (совместно с А.И.Ахиезером) плазменно-пучковой неустойчивости и плазменных методов ускорения частиц. Его доклады на городских семинарах тоже были в те времена нечасты. Словом, он был несколько загадочной личностью. Но очень доброжелательной и полной интереса к окружающим.

Лекции ЯБ в университете я, к сожалению, не получил возможности прослушать. Когда мы были на третьем курсе началась организация т.н. спецкафедр, а затем и спецфакультета – будущих физтеха и радиофака с закрытой тематикой. Отбор студентов на эти специальности был весьма характерным для той поры. Подходящих по анкетным данным студентов физмата не хватало, и их переводили из Ленинграда, Ростова и других городов. Евреев на спецфакультеты не брали. Впрочем, преподавателей на новые специальности забирали лучших, принцип отбора был какой-то иной, национальность определяющей роли не играла. Перешел туда и Г.Я.Любарский, успевший прочитать нам замечательные спецкурсы. Я до сих пор помню, как он извинился перед нами –теоретиками четвертого курса за принятое им решение. Это была для нас огромная потеря. Григорий Яковлевич успел завоевать авторитет и любовь у студентов поразительным мастерством, отбором материала и стилем преподавания. До сих пор я пользуюсь тем, чему он нас успел научить: это, прежде всего, асимптотические методы и теория групп в теорфизике (как раз в это время ГЯ заканчивал свою книгу «Теория групп и ее применения в физике» – лучшее, что написано на эту тему).

Не удалось по той же причине прослушать нашему курсу и лекции Липы Натановича Розенцвейга. По его редким докладам и частым репликам на городском теорсеминаре, а также отзывам друзей с предыдущего курса, можно судить о величине этой потери, особенно, для молодых людей, студентов, ищущих свое место в науке. Липа Натанович после успешной работы с Ильей Михайловичем Лифшицем по физике твердого тела и теории упругости анизотропных сред круто изменил направление деятельности и занялся физикой элементарных частиц. Он, видимо, чувствовал в неразберихе, царившей тогда в этой области, близость грандиозных перемен. Любимым его выражением, отражавшим неудовлетворение тем или иным экспериментом, было «Один мезон в сезон». Уже работая в УФТИ, с Липой Натановичем сблизился Марк Азбель. Вместе с ним мы с Ниной навещали его во время болезни, к несчастью, неизлечимой. Поколение, к которому принадле-

жал и ЛН и ЯБ и Мусик –это поколение, прошедшее войну², затронутое раздувавшимся в последние годы жизни Сталина антисемитизмом, которое нашло себя в науке и ценило возможность идти по этому пути превыше всего. Иногда тем, кто подобно ЯБ, связал себя с закрытыми государственными программами, приходилось идти и на сделки с совестью. Как-то еще в советские времена С.Я.Брауде вызвал меня и сказал, что в газетах появится сообщение, что он и ЯБ подписались под письмом с протестом против «сионистского сборища», кажется в Брюсселе. Так вот о том, что под письмом стоят их подписи, сообщил мне СЯ, оба «подписанта» узнали по телефону от властимущих инициаторов письма. Наверное, некоторым своим коллегам подобную же вещь рассказал и ЯБ.

Процедуры с набором на спец факультеты проходили «втайне», хотя полностью утаить все, конечно, не удавалось. В качестве иллюстрации приведу историю с одним из моих тогдашних близких друзей. Как-то зайдя к нему, я застал дома только его отца, очень обеспокоенного возможными неприятностями у сына. Оказалось, что начальница 1-го отдела Университета М.П.Жукова вызывает одного за другим подходящих студентов для перевода на спец-кафедры. Узнавший об этом наш герой без вызова пошел к Жуковой, надеясь, видимо, что, несмотря на неподходящую национальность его могут взять, т.к. его отец был тоже начальником 1-го отдела (на почтамте). Повод для беспокойства был немалый. Жукова была грозным олицетворением режима. О ней до сих пор с ужасом вспоминают некоторые мои знакомые. Сталин был жив, а дело врачей еще впереди.

Через пару лет ситуация в несколько ином виде повторилась. На этот раз к ней уже имел отношения и ЯБ. В 1954 г. мы закончили университет. Год спустя после смерти Сталина обстановка в стране оставалась неопределенной. В результате, трое выпускников физмата (упоминавшийся выше мой друг, я и Саша Воронель), за которых ходатайствовали их преподаватели³, Илья Михайлович Лифшиц в первую очередь, получили, несмотря на национальность, назначение в аспирантуру АН СССР. Но «вообще», без указания института и предоставления жилплощади. Мы-то были согласны на все. Более трезво оценивший ситуацию Саша Воронель сразу поехал со своей женой Нелей в Саранск, где у Саши была какая-то зацепка, и его приняли в Пединститут. Этот период их жизни ярко описан Нелей (Ниной) Воронель в одной из глав ее воспоминаний «Без прикрас».

---

² А также и пик холодной войны. Мне рассказывал А.В.Мень, ближайший сотрудник С.Я.Брауде, что в конце 40-х - начале 50-х они работали день и ночь «не разгибаясь», ожидая, что война может начаться каждый день. Наше поколение было куда более легкомысленным.

³ В отзыве Е.С.Боровика на экспериментальную дипломную работу Саши Воронеля, было сказано, что это готовая глава кандидатской диссертации.

Мы же вдвоем начали наше хождение по московским институтам⁴. Кончилось оно тем, что, вернувшись в Харьков через полгода, устроились в вечерних школах. Но тогда, и даже несколько ранее, нами, по рекомендации Ильи Михайловича и ЯБ, заинтересовался зав. отделом сухумского института №5, занимавшегося ядерным проектом, Рачиа Арамович Демирханов. Предполагалось, что Илья Михайлович и ЯБ будут руководить нами, а мы будем заниматься задачами, интересующими сухумский институт и Р.А.Демирханова. Мы встречались с ним в Харькове, а затем в Москве во время наших «хождений по мукам». Перед тем как полностью провалиться этой затее, была фаза, когда то нас обоих, то, затем, только моего друга уже совсем было собирались брать в Сухуми. Но и этого не случилось. Мы вернулись в Харьков со справкой, что академия не может предоставить нам жилплощадь. Эта справка, заверенная у нотариуса, приобрела вид настоящего документа, по которому мы и смогли устроиться на работу в вечерние школы. Но над нашими головами готова была разразиться новая гроза: университет приготовил нам второе назначение, на этот раз в Тигровую балку на юге Таджикистана. Как мы ее избежали – особый разговор. Но колесо фортуны повернулось, и, благодаря, на этот раз, рекомендации Марка Азбеля, мы оказались в отделе Вениамина Леонтьевича Германа, формально в УФТИ, а на деле в недрах создававшегося в те дни ИРЭ.

С ЯБ мы теперь встречались регулярно в институтском дворе на старой площадке. ЯБ всегда интересовался моими научными делами. Но когда по инициативе И.М.Халатникова я занялся устойчивостью ударных волн, его интерес стал вполне предметен. Второй такой интерес со стороны ЯБ к моим занятиям я ощутил лишь много лет спустя в связи с исследованиями степенных спектров и точных решений кинетических уравнений. Я же, в свою очередь, обращался к ЯБ в связи с попытками использовать плазменно-пучковую неустойчивость для объяснения ряда электродинамических процессов. (Например, в связи с теорией изобретенного в ИРЭ Г.Я.Левиным и А.Я.Усиковым клинотрона, а позднее – в связи с астрофизическими задачами, в которых пучки распространялись в солнечной короне и магнитосфере пульсаров). Мне запомнилось, как ЯБ отреагировал на мое предупреждение, что работа по клинотрону (в те годы) секретна: «Я закроюсь!». ЯБ сразу же оценил роль поверхностного характера волны, описываемой «произвольным» реактивным поверхностным импедансом, и отнесся с одобрением к нашей с В.Я.Малеевым работе по теории клинотрона. От этой поры сохранились подарен-

---

⁴ Видели многих и многое. Бывали в приемных высочайших советских, партийных и академических органов. Например, на приеме у Президента Академии наук (в качестве депутата Верховного Совета). Сдали первый экзамен теорминимума Ландау. В воздухе висело предчувствие перемен. В институт Физпроблем возвращался П.Л.Капица. У меня уже были на руках гранки моей первой печатной работы (с Л.С.Палатником) во всесоюзном журнале. Но...

ные ЯБ оттиски, в том числе его классической работы с А.И.Ахиезером в Докладах АН СССР.

В связи с кругом идей ЯБ я не могу не вспомнить его учеников и коллег и моих друзей: Игоря Гришаева, Пашу Блюха, Сеню Моисеева, Колю Хижняка, Толю Березина.

Игорь Гришаев запомнился мне старшекурсником еще с моего первого курса на физмате – красивый, интеллигентный, очень знающий. Он вел физический кружок, на котором предложил мне сделать доклад о природе молнии. Помню, как я с трудом разбирался с монографией **Стекольников**, силясь понять, что же такое представляют собой фотоэлектроны⁵. Игорь стал одним из основных создателей линейного ускорителя в Пятихатках на «новой» площадке УФТИ. Но этому предшествовала долгая борьба за право быть допущенным к работам по секретной тематике. Что-то в его анкете не устраивало особистов. Игорь писал письма, ездил доказывать свою правоту и, в конце-концов, добился своего. Он был тесно связан с ЯБ в этот период.

С Толей Березиным мы учились первые три курса в одной группе до распределения по кафедрам. Толя был спокойный, доброжелательный, уравновешенный. Занимался, и очень серьезно, легкой атлетикой (кажется, бегом на средние дистанции). Перейдя на спецкафедру, он надолго исчез с наших глаз в недрах УФТИ. Толя женился на ослепительной красавице Гале. Он вырос в блестящего экспериментатора, ближайшего сотрудника ЯБ по плазменно-пучковой деятельности. Его доклады поражали четкостью, прекрасным пониманием не только эксперимента, но и теории. Впрочем, для сотрудника ЯБ это было не удивительно. Нас же, теоретиков, далеких от лабораторных плазменных проблем, восхищала сама возможность воспроизвести требуемые физические условия в переменчивой, неустойчивой, ограниченной стенками и внедренными в нее приборами плазме.

Коля Хижняк в период моей учебы был председателем студенческого научного общества. Его широкое лицо всегда излучало улыбку. В то же время в нем чувствовалась какая-то хитреца. Он любил тайны и загадочные истории, о которых рассказывал, отведя собеседника в сторонку. Коля стал крупным специалистом по электродинамике. С ЯБ в его биографии связан драматический и поучительный эпизод. ЯБ был оппонентом по Колиной диссертации. В самый последний момент выяснилось (точнее, выяснил ЯБ), что в работе есть довольно серьезная ошибка. Случайно, я стал свидетелем обсуждения возникшей ситуации. Исправлять что-либо было поздно и невозможно. Вместе с тем, в квалификации Коли никто не сомневался. Речь шла о том, упоминать на защите об обнару-

---

⁵ Когда в туристском походе на Гурзуфском седле мы попали в сильнейшую грозу и молнии били в скалы совсем рядом, я отвлекал себя и своих товарищей от неприятных мыслей, рассказывая о физике грозовых разрядов. Наши страхи были усилены недавней трагедией в военных лагерях, где во время грозы погиб талантливый Володя Блушинский. Мы узнали об этом, встретив харьковчан на Ай-Петри в том же походе.

женном дефекте или нет, а если упоминать, то как? ЯБ занял четкую позицию. Не упоминать нельзя. Это противоречит самой сути оппонирования. Но погубить защиту, тем более, нельзя. Поэтому был найден компромисс между формой и смыслом, позволивший Коле успешно пройти «узкое горло» и успешно работать в дальнейшем. Мне помнится довольно «крутой» розыгрыш, «жертвой» которого стал Коля на одной из конференций. Коля любил фотографировать и купил себе дорогой фотоаппарат. Паша Блюх и еще кто-то из шутников незаметно вынули аппарат из футляра, а затем начали бросать футляр как мячик. Коля, конечно, понервничал. Подобные приколы были в чести. Устраивали их и со мной.

Теснее всех из моих друзей с ЯБ был связан Павел Викторович (Паша) Блюх. Он регулярно бывал у ЯБ дома, обсуждал с ним свои работы. У них временами возникала и совместная деятельность, например, связанная с искусственными пучками в космосе по просьбе Б.Е.Патона. Интересуясь космонавтикой, как и все мы, издалека, Паша неожиданно сделал работу по новому методу стабилизации искусственных спутников Земли. Широта и разносторонность его интересов поражала. Долгие годы мы были связаны тесной дружбой. К одному из дней рождения Павла Викторовича я написал стишок. Приведу его здесь с эпиграфами, зато без комментариев:

Ты гитик множество сумел,
И глокой куздры блох
Лишь подковать ты не успел,
Проказчивый Блюх!

Эпиграфами были известная конструкция академика Л.В.Щербы «Глокая куздра будланула бокра и кудрячит бокренка» и близкая ей по духу поговорка «Наука умеет много гитик». Теперь слова «не успел» звучат очень грустно, тогда же подразумевалось «еще».

Сеня Моисеев, мягкий и улыбчивый, после окончания университета был связан с моим шефом Вениамином Леонтьевичем Германом. Затем он оказался в Академгородке в Новосибирске. Через много лет он вернулся, пройдя суровую плазменную школу Р.З.Сагдеева, и начал работать у ЯБ. Сеня был окружен способными молодыми людьми. Его сибирская плазменная тематика (в частности, использование дифференциальных уравнений четвертого порядка для описания пучков в неоднородной плазме) требовала расширения. В то время его интересовали подходы к теории турбулентности. В частности, Сеня заинтересовался нашими с Аликом Кацем работами по слабой турбулентности, тесно связанными с известными ему работами Володи Захарова. Мы договорились встретиться и приехали к Сене домой в Пятихатки. Транспорт тогда работал очень плохо. Засидевшись за обсуждением, мы пропустили время, когда можно было вернуться домой. Сеня

тогда был один, его жена и дочь были в отъезде. Он выдал нам по раскладушке, но ими мы практически так и не воспользовались. К утру были получены потоковые степенные решения уравнений Больцмана для частиц, описывающие неравновесные системы с источниками. После этого прошло несколько недель. ЯБ предложил мне выступить на его семинаре в УФТИ с докладом о слаботурбулентных спектрах. После семинара, где присутствовал Сеня и задавал вопросы, работа над степенными спектрами частиц пошла быстрым темпом. Сеня привлек к ней своего аспиранта Валерия Новикова, и после ряда обсуждений мне было поручено написать текст совместной статьи для ЖЭТФ. На это ушел месяц напряженной работы. Когда статья была закончена, оказалось, что другой Сенин аспирант Слава Карась, которого Сеня тоже привлек к работе, предложил новый очень удобный подход к определению спектральных индексов. Одно время даже обсуждалась возможность переписать весь уже готовый текст, но здравый смысл (при участии ЯБ) победил, и мы не стали задерживать публикацию. Вскоре после этого Сеня переехал в Москву. Этому предшествовал настоящий десант москвичей (включая Р.З.Сагдеева и В.Е.Захарова) в Харьков на его юбилей. Сеня пригласил нас с Аликом Кацем очень загадочно, мы даже не сразу поняли, что речь идет о таком торжестве. Спустя много лет на конференции памяти Сени в ИКИ я рассказал историю, которую не успел рассказать тогда на юбилее. Приведу ее кратко и здесь. В аэропорту Тбилиси почему-то всегда дует сильный ветер. Спускаясь по трапу вместе с остальными участниками плазменной конференции, я увидел, как мимо меня пролетел чей-то берет. Я бросился вдогонку по летному полю. Берет упал и покатился передо мной по бетону, подгоняемый ветром. Я его почти что догнал, но когда наклонился поймать его, ветер сорвал с меня шляпу. Теперь и берет, и шляпа катились передо мной, а я бежал за ними. Вдруг надо мной раздался рев моторов. Тут только я сообразил, где нахожусь, рванулся вперед, наступил ногой на берет, схватил шляпу и, запыхавшись, вернулся к самолету. Там стоял невозмутимый Сеня, за чьим беретом, как оказалось, я и гнался. Сеня развернул в ИКИ вместе со своим учеником и соратником Колей Ерохиным обширную деятельность, связанную, в частности, с ролью интеграла обычной и магнитной завихренности в теории турбулентных спектров, ролью электромагнитных полей в вихревых движениях в атмосфере. Его портрет висит в Институте Космических исследований, где он плодотворно работал последние годы.

ЯБ, став академическим старейшиной в Харькове, сделал попытку возродить городской теоретический семинар, много лет существовавший в Харькове вначале в Институте математики, а затем в Доме Ученых. Затем, после отъезда Ильи Михайловича в Москву теорсеминар угас. Проблемы семинара той послеильмеховской, но дофайнберговской поры отражены в шуточной пьесе, написанной к 60-летию Ильмеха и помещенной в руко-

писном журнале «Успехи Ильмеханических Наук». Поскольку эта пьеса не попала в книгу воспоминаний об Илье Михайловиче, уместно привести ее здесь.

Семинар

Конференц-зал Харьковского Дома Ученых.

Полубнаженные музы на потолке. На сцене пианино и две маленькие дрожачие доски.

Докладчик. Я надеюсь рассказать свою ...

- А. И не надейся ...
- Б. Ишь, чего захотел ...
- В. Надежды юношей, и тех уж не питают.
- Г. Я свою и то не довел даже до названия.
- Е. Хи-хи-хи...
- Ж. Давно начали?
- З. При ИльМехе было не так ...
- И. Кто это у доски?
- К. А что это за формула? От прошлого семинара?

Докладчик. ...свою работу...

М. Я этого не понимаю...

Докладчик. Я еще ...

- М. Уже непонятно, я этого не понимаю.
- И. Что он дурак, что не понимает?
- К. Про таких не говорят дурак – не дурак...
- Л. Нам доска отсвечивает.

Докладчик. Так видно?

- Ж. Теперь нам отсвечивает.
- М. Я этого не понимаю.
- И. Это же просто – угол падения ...
- М. Я этого не понимаю. То есть это я понимаю, я то не понимаю. Считаю, что семинар нужно отложить.

Е. Хи-хи-хи...

О. Продолжай, потом поймет.

Докладчик. ...свою работу, выполненную...

- П. Что он мелет?
- Р. Мне говорили, что там все неверно.
- С. Я не сильно опоздал?
- Т. Кто это такой толстый, все время перебивает?
- Ф. Как же, это же...
- Х. Апельсины из Москвы?
- С. Что по осям?

Возрожденный ЯБ семинар имел статус физического семинара Северо-Восточного Научного Центра и, в соответствии с ним приобрел и новую популярность, и новые черты.

А. Это просто доска поцарапана. Не было мела и кто-то шпилькой рисовал.

Ц. А почему все смотрят в потолок?

Е. А тебе не нравится?

Ц. Нет, почему же ...

Докладчик. ...выполненную совместно с ...

З. При ИльМехе было не так... При ИльМехе ...

Б. С этим ничего правильного не сделаешь.

Ч. Можно спросить?

П. Перерыв скоро будет?

Е. Хи-хи-хи ...

Э. Опять эти функции Грина.

Ц. Может быть тот, кто понял, объяснит?

Э. Ишь чего захотел, не при ИльМехе ...

Докладчик. Как известно ...

А. Кому известно, что известно?

Б. Ничего мне не известно.

Е. Хи-хи-хи ...

Л. А эта толпа откуда?

К. А, эти ездили во ФТИТНТ, думали там семинар. Сейчас ведь ничего не разберешь.

Н. А почему эти трое вылезли к доске?

О. Что, они его бьют?

П. Нет, мел вырывают.

Р. Боже, что же он пишет прямо на пиджаке?

С. Может быть позвать милицию?

Т. Они только уборщицу боятся.

Докладчик. Еще два слова, одно слово ...

У. Слазь, ирод, с пианины, тилигент чертов. С потолка тебя сымать?

Вместо занавеса перерыв.

Уфтинцы приезжали из Пятихаток автобусом большим коллективом. Приезжали (или приходили) и директора институтов. Семинар начал играть роль своеобразных «смотрин» при выборах в академию. И, несмотря на некоторые издержки, навеянные новыми временами, семинар стал заметным событием в научной жизни Харькова.

Зимой 1989 года мне позвонил знакомый теоретик Саша Копелиович, принимавший активное участие в демократическом движении (тогда еще без приставки «так называемом»), и предложил мне выступить на митинге памяти незадолго до этого скончавшегося академика А.Д.Сахарова и рассказать о нем, как об ученом. Я, было, сказал, что лучше бы выступить нашим академикам. Но Саша ответил, что и АИ, и ЯБ, знавшие Андрея Дмитриевича лично, выступить не могут, т.к. нездоровы. А больше просить некого. Я совершенно не помню подробностей своего выступления. Времени на подготовку не было. Кое-что важное, но очень небольшое мне рассказал ЯБ по телефону. Кое-что я вспомнил сам. Библиотека была закрыта (оставалось лишь воскресенье), но и проку от нее было бы немного: упоминаний о работах АД в печати тогда не было. Упорно продолжал ссылаться на него лишь Я.Б.Зельдович, чьи книги стояли у меня дома на книжной полке. Тем не менее, я выступил успешно, говорил не столько о бомбе, сколько о магнитной изоляции плазмы для управляемого термоядерного синтеза, о космологии (сегодня мог бы рассказать гораздо больше), о нестабильности протона. Выступать приходилось в метель с грузовика на площади Дзержинского. После выступления подходили люди, говорили, что совсем не знали, что Сахаров крупнейший физик. Рядом со мной на грузовике стоял красивый седоусый человек. Он выступал вслед за мной по-украински, говорил о свободе. Впоследствии я пару раз встречал его и попытался поздороваться. Но он мне не ответил.

Возможная причина выяснилась через несколько лет, когда я попал на фестиваль израильского кино, проходивший в бывшем кинотеатре «Юность» (теперь украинском культурном центре). Первый день фестиваля прошел не без приключений. Автобусом привезли отдельно девочек, отдельно мальчиков из религиозной школы. Первый фильм о войне Судного дня начался с альковной сцены на весь экран, и школьников тут же увезли. Во второй день они пришли сами. В этот день я опоздал после трех пар занятий. Но и фильм тоже задерживался. Со сцены человек с седыми усами, напоминавший выступавшего со мной на митинге, обращался к присутствующим, пришедшим на фестиваль, «Господа жида!»). И предлагал до фильмов во избежание неприятностей прослушать часовую лекцию о Директории в 1918 году. Что-то выкрикнув, я тут же потерял голос. Зал топал. Кино то запускали, то выключали. Докладчик посылал одетых в камуфляж молодых людей «наводить порядок». Из первого ряда его товарищ, по словам сидевшей там же Инны

Глуцук, увещевал: «Не роби цього!». С трибуны грозили пересмотреть решение Махно расстрелять атамана Григорьева за погром. Грозили сменой президента, и тогда... Наконец, какой-то ряженный в шапке с лисьим хвостом начал петь песню, по его мнению, обидную для публики, о плохих хазарах. Но тут-то школьники с галерки дружно перепели его, скандируя «Эвену шолом алейхем!». Администратор тщетно просила докладчика провести лекцию в таком же зале на первом этаже, где только не было киноустановки. На сцене появлялись разные люди. Обстановка нагнеталась. Пришла милиция. Наконец на сцене оказался человек, похожий на хорошо знакомого мне физика. Наконец-то, подумал я. Этого человека я хорошо знал, с его подачи в первые годы перестройки вывешивал в нашем институте обращения «Руха», в том числе «Против антисемитизма», «Обращение к русским Украины», проект конституции А.Д.Сахарова. Но, человек, похожий на моего коллегу, прочитав вслух договор об аренде зала, и склонив на бок голову, сказал, что договор есть и даже есть печать, а вот даты нет, так что лучше послушать лекцию, а не то спустим всех с лестницы. Отложу до другого раза описание того, что творилось в зале. Зал бушевал час, и кино мы все-таки посмотрели. Когда вернулся за полночь домой, увидел там боевой сбор. Все одевались, отправляясь меня выручать. Оказывается, большой любитель кино Леля Копилович позвонил мне домой и сказал, что в «Юности» началась провокация, и он ушел.

Конечно, очень грустно следить за эволюцией «Руха». Мне кажется, что его активисты не осознали, что Украина действительно стала независимым государством. Но для фактической независимости, прежде всего экономической и, как ни странно, ментальной, видно, предстоит пройти еще большой путь. И, прежде всего, необходима консолидация, а не разобщение людей. В многонациональной стране гораздо прагматичней проявлять к «нацменьшинствам» интерес и даже заботу, чем «давить» на них. То же относится и к языку. Ведь очевидно, что русский язык в Украине – это не «язык северного соседа» (он, кстати, и заметно отличается от него), а родной язык половины населения Украины. И единственный из мировых языков, которым еще владеет ее народ. Грустно, когда в подобных вопросах задают тон несостоявшиеся карьеристы, а не разумные люди.

ЯБ от всего этого был весьма далек. В отличие от АИ, с которым разговоры на физические темы в последние годы неизменно переходили на философию или политику. По крайней мере, со мной ЯБ на такие темы никогда не говорил. Он был трудоголиком, бесконечно преданным своей науке. Навещая его уже в отсутствие Евгении Владимировны, я заставлял все горизонтальные поверхности покрытыми отпечатками, книгами, исписанными страницами, так что даже сесть было негде. Многим запомнился последний обзорный

доклад ЯБ, когда он без перерыва говорил более получаса, и это был насыщенный актуальной информацией доклад.

ЯБ весьма активно интересовался новыми направлениями в физике. Когда мне в нашем институте в давнопрошедшие времена поручили сделать доклад о лазерах, о которых в Харькове тогда только начинали ходить слухи, ЯБ пригласил меня выступить у него на семинаре в УФТИ. Для меня это оказался самый интересный доклад из тех, которые мне тогда пришлось сделать на эту тему. По квалифицированному живому интересу аудитории и пользе для докладчика.

ЯБ прекрасно осознавал и ценил свою роль в исследованиях плазмы и УТС. Как-то, зайдя к нему на минутку, я, к слову, припомнил, как впервые после 20-летнего пребывания в «невыездных» оказался на конференции по астрофизике в Женеве. ЯБ тут же перехватил инициативу и с воодушевлением начал рассказывать о том, как он в составе делегации, возглавляемой И.В.Курчатовым, был в Женеве и делал там доклад во время исторического «раскрытия» советской программы по УТС.

Активная работа современного УФТИ и поддержание в нем традиций Харьковских школ физики, в частности, городского теоретического семинара, проводимая учениками и коллегами ЯБ, пришлась бы ему по душе.